

АЛЕКСАНДРА МИРОНОВА

И дам вам
сердце
новое

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Редактор серии *П. Корицкая*
Оформление серии *Е. Куликовой*

Миронова, Александра Васильевна.
М64 **И дам вам сердце новое / Александра Миронова.** — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-215555-0

У Жени была ясная цель — выйти за богатого мужчину и жить в достатке и радости, не обременяя себя лишними заботами. Но однажды в дверь позвонил мальчик, назвавшийся сыном Жени. И появление этого ребенка, страдающего тяжелым пороком сердца, разделило всю ее жизнь на «до» и «после».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215555-0

© Миронова А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

И дам вам сердце новое, и дух
новый дам вам; и возьму из плоти
вашей сердце каменное, и дам вам
сердце плотяное.

Иезекииль 36:26

— Продажной нужно родиться. Да-да. Это ген однозначно. Наследство или мутация — неважно. Не имеет значения, продаешься ли ты один раз, но за большие деньги, или выходишь каждый вечер на кольцевую дорогу. Для женщины этот ген так же важен, как и ум и сексуальность. Иногда важнее ума. К сожалению, если его нет, то женщина так и будет всю жизнь неудачницей. Из тех, кто верит в вечную любовь и влачит жалкое существование на дне. Ведь со дна не тянет на поверхность. Поэтому они никогда не попадают на денежный крючок, поджидающий где-то там, ближе к солнцу. Но стоит один раз его проглотить, как ты в ловушке. И если добрый рыбак решит тебя отпустить, то ты просто сдохнешь на своем дне, — такую теорию вчера выдвинула Наталья, перекивая вопли от караоке.

Они с Женей долго сидели в новом баре, открывшемся на перекрестке двух основных городских артерий — проспектов Мира и Труда.

Наталья — мерцающая пудра, фарфоровая кожа, глянцевые губы и «Императрица» с надрывом — поведала Жене о своем новом приобретении — «рыбаке» по фамилии Сохатый. Владелец нескольких страховых компаний. Женат, естественно, но Наталью такие мелочи не волновали:

она прожигала жизнь, как кубинские сигары — дорого и со вкусом.

— Тебе повезло, — разглагольствовала подруга, — твой «рыбак» довольно симпатичный, и ты даже делаешь вид, что это настоящая любовь!

— Наталья, я не делаю...

— Подожди, дай договорить. — Больше всего на свете Наталья любила слушать себя.

Но Жене нравилась ее компания. Наталья являлась единственной, кого можно было с большой натяжкой назвать подругой. Они познакомились несколько лет тому назад на одном мероприятии, организованном Женей. Наталья тогда закатила феерический скандал. Скандал был ее профессией, как она с гордостью рассказала Жене в тот же вечер за бокалом вина, после которого и начались их странные отношения.

Женя значилась для Натальи кем-то вроде губки, впитывающей ее истории, а Наталья для Жени — иллюзией нормальной жизни. Той, где девушки время от времени встречаются за кофе, чтобы поделиться сплетнями, переживаниями, чувствами и эмоциями.

Расстались подруги за полночь, но сегодня Женя все равно проснулась в пять утра.

Тихонько выскользнула из кровати, выпорхнула на традиционную пробежку, в этот раз интервальную. Возвращаясь, поднялась на тридцать третий этаж пешком, перепрыгивая через ступеньки. Осторожно открыла дверь и прокралась в ванную. Станислав ни в коем случае не должен видеть ее «а-ля натюрель». Безусловно, она хороша собой, но укладка и легкий макияж еще никому не повредили. Пусть думает, что она всег-

да так выглядит. Словно героиня неизгладимого «Великолепного века» — среди ночи разбуди, а у нее и локоны идеальные, и глаза подкрашены там, где надо.

После душа и марафета Женя снова тихонько скользнула под одеяло и прислушалась. Станислав (с ударением на второй слог) все еще спал — ровное дыхание, немного вздрагивает во сне, наверное, опять видит, как на машине гоняет. Женя посмотрела на любимого с нежностью, хотела поцеловать, но побоялась разбудить. Неужели ей наконец-то повезло и мужчина всей ее жизни рядом с ней, в этой постели, и, судя по небольшой коробочке, которую она мельком увидела у него в спортивной сумке, он собирается задержаться всерьез и надолго? И нет здесь никакой продажности — только любовь.

Залилась канарейка, Станислав заворочался, Женя моментально закрыла глаза и прикинулась спящей. Надо было все-таки задернуть светонепроницаемые шторы на ночь, чтобы не разбудить глупую птицу. Та уже всюю щебетала и могла потревожить Станислава.

Окна их спальни в пентхаусе нового элитного дома выходили на восток. Именно Станислав настоял на том, чтобы обустроить в этой комнате спальню. Сама Женя хотела превратить помещение в кабинет — она обожала пустые светлые комнаты, но Станислав решил, что спальня, в которой можно встречать рассвет с любимой, гораздо важнее какого-то там кабинета. Похоже, он был уверен в том, что Жене кабинет совершенно ни к чему. Он все равно не мог до конца понять, чем она занимается. Еще в такой спальне можно было делать

красивые селфи и выкладывать их в интернет, собирая кучу «лайков» и липко-сладкие комментарии поклонников. Точнее, поклонниц.

Женя не спешила его переубеждать и возражать против спальни в «ее кабинете». Устроит перестановку после ЗАГСа. Единственное, на чем настояла, — это тяжелые светомаскировочные шторы, делавшие утро менее беспощадным. И забыла их вчера задернуть.

Женя почувствовала, как Станислав откинул одеяло и, стараясь не разбудить ее, тихонько встал. Интересно, он что, тоже решил сделать макияж? Женя едва не хихикнула, представив себе эту картину. Хватит с него тщательной укладки волос каждое утро. С трудом удержав серьезную мину на лице, она прикинулась Белоснежкой в ожидании принца.

Из кухни раздался звук недовольно бурчащей кофемашины. Серьезно? Станислав сам себе решил сделать кофе? Нет, не так — Станислав знает, как включается кофемашина? Человек, за которого всю жизнь все делала мама, домработницы, а теперь она, Женя? Что-то происходит. Действительно серьезное.

Женя почувствовала аромат кофе, услышала, как Станислав, гремя чашкой и блюдцем, зашел в комнату. Кофе в постель? Да быть этого не может! Притворяться спящей становилось все сложнее, любопытство одолевало.

Станислав пристроил поднос с кофе на тумбочку рядом с Женей, вышел из комнаты и снова вернулся. Потянулся к девушке и поцеловал ее. Та медленно разлепила глаза, даже потянулась для приличия и промурлыкала:

— Доброе утро, любимый.

— Ты такая красивая, — восхитился Станислав. — Как тебе это удается?

Женя небрежно пожала плечами:

— Генетика хорошая.

— Ты самая красивая женщина в мире!

— Ну раз ты так настаиваешь... — Она легко рассмеялась. — А ты почему не спишь?

— Кофе тебе решил сделать. — Станислав протянул ей чашку и с наслаждением почесал безволосую грудь.

— Кофе, мне? — Женя сделала глоток. Кофе был отвратительно сладким: похоже, Станислав бухнул туда три ложки стевии. — М-м-м, боже-ственно! — Женя заставила себя проглотить мерзкую жижу. — А в честь чего?

Станислав скорчил предельно серьезную мину. Поднялся с кровати и вдруг бухнулся на одно колено. Схватил с тумбочки коробочку, ту самую, которую Женя видела в сумке, и протянул ее девушке.

— Женя... — Станислав запнулся и закатил глаза, пытаясь где-то там, на подвесном потолке, отыскать нужные слова. Решил не заморачиваться и изрек сакраментальное и классическое: — Ты выйдешь за меня замуж?

Женя осторожно поставила чашку с кофе и взяла коробочку. Графф. Открыла. В бриллианте в форме сердца — минимум три карата. Руки задрожали, и она чуть не выронила украшение на кровать. На глазах выступили слезы. Впервые за долгое время это оказались слезы радости. И счастья. Надо же, она ведь была уверена, что больше никогда не сможет их почувствовать.

— Тебе не нравится? — обеспокоенно спросил Станислав, увидев, как увлажнились глаза возлюбленной.

— Не нравится? — голос Жени дрогнул. — Да это самое красивое кольцо, которое я видела в своей жизни!

— Это значит «да»? — спросил сбитый с толку Станислав. Конечно, он не ожидал, что Женя сразу бросится ему на шею. Она казалась *не такой*. Какой *не такой*, сложно было сформулировать, но он был уверен, что Женя разительно отличалась от всех девушек, которые встречались на его пути.

Задержавшись буквально на долю секунды, Женя кивнула. Она никак не могла осознать, точнее боялась поверить, что после всего пережитого ее жизнь вдруг стала похожей на сказку. Так не бывает.

Станислав, не обращая внимания на ее задумчивый вид, уже извлек откуда-то телефон, подтянул Женю к себе и шелкнул на кнопку.

— Селфи с невестой! — радостно объявил он и погрузился в интернет.

Раздался звонок в дверь.

Женя, смахнув слезы и издав истерический смешок, подняла глаза на Станислава.

— Еще сюрприз?

По выражению лица любимого поняла, что на сегодня от него сюрпризы закончились. Станислав бросил взгляд на часы, которые специальный проектор выводил на белую стену.

— Кто это? — в голосе пронзительно зазвучали нотки подозрения. Это был уже куда более родной Станислав — ревнивый, иногда немного истеричный.

— Никуда не уходи, я мигом, — прошептала Женя, набрасывая на себя тщательно отглаженную белую хлопковую мужскую рубашку, которую она носила дома вместо халата. Распашонка прикрывала тело и одновременно являла миру километровые ноги. Женя знала, что один ее вид в этой рубашке заставлял мысли Станислава поворачивать в другом направлении.

Выскользнув из спальни, она очутилась в коридоре. Быстрым шагом пересекла его, чуть поскользнувшись на белом мраморе пола. Подошла к внушительной бронированной двери, обитой черным деревом, и распахнула ее, не посмотрев в глазок. О безопасности Женя не беспокоилась, дом охраняли не субтильные бабушки, а парни с солидным размахом в плечах.

На пороге стоял пацан. Лет восьми на вид. Светловолосый и весь какой-то призрачный. Если бы сзади на него падал солнечный свет, он бы непременно прошел сквозь мальчонку. Серые глаза, неважная стрижка и одежда «на вырост».

— Бедным не подаю. — Женя попыталась захлопнуть двери.

— Вы Женя? — Мальчик использовал классический прием, вставив ногу в дверной косяк.

— Ну кому Женя, а кому Евгения Александровна. Ты кто такой? — сурово поинтересовалась девушка.

— Я Лева, — пояснил мальчик и вдруг закашлялся.

— Ты что, заразный, Лева? — Женя бросила быстрый взгляд назад: не идет ли Станислав?

— Мне нужно с вами поговорить. — Пацан насупил брови и попытался войти в квартиру, Женя преградила ему путь.

— Некогда мне разговаривать. — Она снова попыталась захлопнуть дверь, но пацан на удивление шустро проскользнул у нее под рукой, очутился в прихожей и замер.

Прихожая действительно впечатляла. Светло-кремовые стены украшала современная живопись, шкафы-купе ручной работы, которые тащили из самой Италии, органично вписывались в интерьер. Но пацан, конечно, был не в состоянии это оценить. Ни живопись, ни мебель. Его потрясли размеры помещения. Одна прихожая, казалось, превосходила площадью всю квартиру, в которой он жил с матерью.

— Ты обалдел, что ли? — Женя схватила Леву за плечо и приготовилась выгнать наглого пацана взащей, отвесив ему хорошенький подзатыльник, чтобы неповадно было по чужим квартирам шастать.

— Вы меня не узнали? — Мальчик оглянулся, высвободился из Жениной хватки и пытливо посмотрел на стоящую перед ним девушку. На какой-то момент оробел. Все происходило вовсе не так, как он представлял. И она была не такой, как он себе вообразил.

— Нет, конечно, с чего бы, — фыркнула Женя. — Может, ты ошибся адресом, мальчик?

— Нет, не ошибся. Но странно, что вы меня не узнали. И даже ничего не почувствовали? — бормотал Лева, и Жене вдруг показалось, что перед ней маленький взрослый. Уж слишком серьезными глазами он смотрел на нее.

Внезапно ей стало холодно. Женя встряхнулась, как собака после купания, пытаясь отогнать неприятное чувство.

— Не морочь мне голову... — Женя снова протянула руку, чтобы схватить мальчика, но тот сделал шаг назад и, преодолевая внутреннюю робость, прошептал:

— Я ваш сын.

На какую-то долю секунды Жене показалось, что она ослышалась. Девушка хотела переспросить, открыла рот, чтобы задать вопрос, но не успела.

— Женя, кто там? — раздался голос Станислава.

— ЖЭК, — моментально сориентировалась Женя и крепко ухватила пацана за плечо, с силой сжав. Мальчик сморщился от боли. А Женя, побледнев от ярости, приблизила лицо к Леве и прошипела:

— Ты чего, пацан, обалдел? Какой еще сын? Кто тебя прислал?

— Никто, мама не знает, что я здесь. — Лева был готов разреветься от отчаяния.

Женя легонько встряхнула пацана.

— Ага, значит, у тебя все-таки еще какая-то мама имеется.

— Нет, все не так. — Лева снова попытался освободиться, но Женя держала его крепко.

— Кто тебя прислал? Олеська? А, нет, дай угадаю, Анька! Точно она, стерва. Передай этой дуре, что не видать ей Станислава как своих ушей. У меня уже и колечко есть! — Женя потрясла перед носом Левы каратами, надетыми на руку женихом.

— Какое колечко? — Лева казался сбитым с толку.

— Она поймет. Все, вали отсюда.

Женя открыла дверь и выпихнула пацана. Затем протянула руку и схватила сумочку с маленькой полки возле двери, куда они складывали ключи, почту и всякие мелочи. Достав кошелек и вытащив крупную купюру, протянула мальчику.

— Женя-а-а, — капризно позвал Станислав. — Что там такое? Помощь нужна?

— Нет, котик, все в порядке, я сейчас, — бросила она в глубину квартиры и снова вернулась к Лева. — Сколько она тебе заплатила? Я дам больше, только скажи: кто она?

— Кто она? — бестолково переспросил Лева и снова закашлялся. Женя поморщилась. Разносчиков бацилл она не любила.

— Кто прислал тебя? — уточнила она и на всякий случай отодвинулась подальше.

— Никто, я сам! — горячо заверил Лева.

— Так, пацан, не гони, не смешно уже.

— Женя, что случилось-то? — Станислав вышел в коридор и с удивлением смотрел на полуголую невесту, пытающуюся всунуть деньги какому-то мальчику.

Женя подскочила как ужаленная, бросив предостерегающий взгляд на пацана. В нем тот должен был прочесть обещание скорой смерти, если он только попробует открыть рот.

— Это работник ЖЭКа? — искренне поразился Станислав.

— А... нет... это... это соседский мальчик, да. Пришлось со школы срочно вернуться: рюк-

зак забыл, а теперь вот просит, чтобы его назад в школу подвезли.

— У него родителей, что ли, нету? — Станиславу с утра пораньше не всегда удавалось выстраивать четкие логические цепочки.

— Есть, — опередила Леву Женя, — но очень строгие. Если узнают, что рюкзак забыл и из школы сбежал, — убьют на месте.

Она выразительно посмотрела на пацана, тот на секунду замешкался, но потом с энтузиазмом кивнул.

— Да, мама вообще зверь, неделю компа не видеть, если узнает. Тетенька, отвезите меня, пожалуйста, а то я совсем опоздаю! — Он не понимал, что здесь происходит, но на всякий случай решил подыграть. Получилось неплохо, мальчик не без таланта. Наверное, поэтому его и выбрали на такую гнусную роль.

— Я подвезу, мне в офис надо заскочить, материалы взять, — засуетилась Женя.

От пацана надо было избавиться как можно скорее.

— Ты же в отпуске? — снова удивился Станислав.

— Да, но я вспомнила, что кое-что забыла. Ты меня на часик отпустишь?

Она подошла к Станиславу, крепко прижалась к нему, посмотрела в затуманившиеся светлые глаза и тихо прошептала на ухо:

— Когда я вернусь, ты сможешь меня наказать за плохое поведение.

Станислав хихикнул.

— Круассанов купи. — Он снова почесал грудь. — И не забудь, сегодня вечером мы к маме!

— Как, сегодня? — Как она могла упустить это из виду? — Ты ничего не путаешь? Мы же...

— Хочу ей все рассказать. Ну про нас. Ну и папе, конечно. Или ты против? — озабоченно нахмурился Станислав.

— Что ты, конечно нет, любимый, — Женя навесила на лицо самую сладкую улыбку из всех возможных.

Повернулась и, бросив взгляд на пацана, снова распахнула дверь квартиры, жестом приглашая войти. Лучше было держать его в пределах досягаемости, чтобы не удрал. Жене крайне необходимо было разобраться в этой истории, ставившей под угрозу достижение цели всей ее жизни.

— Жди здесь, я сейчас оденусь, и поедем, — и, понизив голос, предупредила: — И даже не думай что-нибудь спереть.

Она бросилась назад в спальню и заскочила в гардеробную (при отделке квартиры она специально оговорила с дизайнером наличие небольшой комнатки для своих нарядов и туфель, чтобы все было так, как положено в богатой и красивой жизни, которую показывали по телевизору).

Вся одежда была строго ранжирована и развешена в маниакальном порядке — справа белая, слева черная. Других цветов Женя не признавала. Считала дихроматическую гамму своей фишкой, изюминкой, прихотью, придурью — чем угодно. Даже джинсы и те покупала или черные, или белые. Она достала легинсы из второго ящика снизу, где держала брюки. Заправила в них рубашку, сверху набросила белый свитер популярного нынче фасона *oversize*. Быстро скрутила белокурые локоны в модный пучок и надела в уши

маленькие бриллианты. Неважно, что моветон с утра пораньше. Ее бриллианты не должны тухнуть в коробочке.

Женя принадлежала к той счастливой категории женщин, которые одним взмахом руки могут превратить едва проснувшееся чучело в фотомодель. Абсолютно симметричное лицо, лишённое яркой красоты, но пленяющее совершенством линий, полнокровными губами, тонким носом и внимательными серыми глазами, смотрящими слишком цепко и взросло. Взгляд единственный выдавал в ней настоящий возраст. Все остальное могло бы принадлежать подростку.

Подмигнув собственному отражению в зеркале — тощему, бледному и очень привлекательному, Женя, схватив огромную сумку, вернулась в спальню.

Станислав в призывной позе лежал на кровати. Он откинул тонкое одеяло, жестом приглашая Женю присоединиться к нему.

— Может, ну его, пацана? — улыбнулся он, и у Жени захватило дух. Неужели она все-таки сорвала джекпот?

Она поколебалась, изобразив на лице муки выбора. Тяжело и выразительно вздохнув, покачала головой:

— Не могу, но сбереги это (выразительно кивнула на то, что демонстрировало во всей красе откиннутое одеяло) до моего прихода.

Станислав перевел взгляд вниз и нахмурился.

— Круассаны не покупай, так и знал, что наберу в Гермашке.

Женя пропустила реплику мимо ушей. Иногда Станислав был обеспокоен своим весом больше,

чем балерины Большого театра. Послав ему воздушный поцелуй, она рванула в коридор.

Мальчишка разглядывал одну из картин — пастель молодого грузинского художника, — изображающую смешного диспропорционального человечка. Он так засмотрелся, что не услышал, как Женя открыла встроенный шкаф и достала пару кроссовок. Надела и с удовольствием оглядела себя в зеркале — звезда как есть! Подошла к пацану и подтолкнула его к выходу.

— Поехали!

— Куда? — Лева не сразу понял, что происходит.

— На кудыкину гору, расскажешь мне, какая милая женщина тебя ко мне отправила.

— Да никто меня не отправлял, — снова слабо запротестовал Лева, но Женя пинком отправила его на лестничную площадку и захлопнула за собой дверь. Только после этого смогла перевести дух.

Нажав на кнопку вызова лифта, она присела перед пацаном и посмотрела ему в глаза. Серые, почти прозрачные.

— Послушай, дружок. Нет у меня никаких детей, понял? Не-ту. А еще одна такая шутка, так их и не будет. — Она кинула быстрый взгляд на дверь. Станислав не стал бы подслушивать, но лучше всегда соблюдать осторожность, это Женя хорошо усвоила. — Поэтому поехали, откуда ты приехал, я хочу поговорить с тем, у кого ума хватило так меня подставлять.

Не слушая слабые Левины протесты, она втолкнула его в огромный хромированный лифт — еще раз с удовольствием окинула взглядом свое отра-

жение в зеркале. За последние пару лет по просьбе Станислава ей удалось похудеть почти до пятидесяти пяти килограммов — при росте в сто семьдесят пять сантиметров смотрелась она просто сногшибательно. Любимый был прав. Ведь даже свитер, на четыре размера больше необходимого, ее ничуть не полнил, а, наоборот, создавал тот самый эффект хрупкости и призрачности, который одежда oversize придает только моделям в рекламе. Все остальные в таких свитерах напоминают бабу на чайнике.

— Ты где живешь? — поинтересовалась Женя, доставая из сумки ключи от машины и нажимая кнопку первого этажа.

— На Радужной, — насупился Лева. — Не везите меня домой, я же школу прогулял, соседки увидят, матери скажут.

— Ты у нас, видимо, чудо природы с двумя матерями сразу, — издевательски произнесла Женя.

Лифт остановился на первом этаже. Женя вышла в огромный холл — белое пространство, разрезанное широкими полосами оранжевой и синей плитки. Неестественно зеленые пальмы в углах. Живые, Женя проверяла.

Она приветливо помахала охраннику возле дверей, тот открыл вход в парадную.

Женя и Лева вышли на улицу, она крепко держала пацана за руку, чтобы не сбежал. Пока он не выдаст ей, чьих грязных рук дело эта грандиозная подстава, отпускать она его не собиралась.

— Это ненастоящая мама! Точнее, она мне тоже мама, но моя мама — это вы, — попытался внести ясность Лева. Похоже, он решил придерживаться заданной линии поведения.

— Снова-здорово. Свой мексиканский сериал будешь кому-нибудь другому рассказывать, — фыркнула Женя.

Для середины апреля на улице было жарко. И хотя в их городе тепло всегда приходило неожиданно, плюс двадцать пять в это время года являлось скорее природной аномалией. Женя надела солнечные очки (Шанель, как у Анны Винтур) и протянула сумку пацану:

— Подержи.

Лева послушно взял сумку. Женя стянула свитер через голову, оставшись в одной рубашке, подошла к низкому спортивному белому «БМВ» и щелкнула сигнализацией. Забрала сумку у пацана.

— Это твоя машина? — Лева разинул рот от удивления.

— Ну, допустим, не твоя, а ваша, и да, она действительно моя.

Она обошла машину и распахнула дверь пассажирского сиденья.

— Садись, только ничего мне тут не испачкай.

Лева с благоговейным трепетом потрогал молочно-белую поверхность болида. Ему стало немного страшно садиться внутрь — за всю жизнь он лишь пару раз ездил на такси, когда его, больного, нужно было отвезти к доктору. О собственной машине они с мамой даже не мечтали.

Женя села за руль, нажала на кнопку завода двигателя, увидела, что пацан так и не сел в машину.

— Ты там уснул, что ли? Даже не думай бежать, я быстро езжу. — Она перегнулась через сиденье и шире распахнула боковую дверь, приглашая мальчика сесть.

Лева принял ее приглашение, неловко плюхнулся в салон, немного поерзал на кресле, устраиваясь, и сложил руки на коленях.

— Это он вам подарил? — Он неопределенно мотнул головой в сторону шикарного дома, из которого они только что вышли.

Женя фыркнула.

— Я что, непохожа на человека, который сам себе может купить машину?

— Вы что, олигарх?

— Никакой я не олигарх, но и цену себе знаю. Пристегнись, и поехали.

Лева неловко завозился с ремнем безопасности. Женя закатила глаза.

— Элементарных вещей не знаешь? Чему тебя только учат?

Она перегнулась через пацана и пристегнула его, почувствовав легкий запах кондиционера для белья, отметила потертость клетчатой рубашки и свалывшийся пух на скромном сером свитере. Бедненько, но чистенько. Странно, обычно такие дети не склонны к авантюрам. Хотя что она знает о детях?

Плавно начав движение, Женя подъехала к шлагбауму, преграждавшему допуск простым смертным в элитный жилой комплекс. Кстати, надо разобраться, как мальчик вообще попал в ее дом? Наверняка подвезла та гадина, которая решила устроить ей неприятности. Неужели кто-то из тех, кто часто бывает у них в гостях? Илона?

Женя дождалась, пока охранник поднимет шлагбаум, кивнула ему и выехала на улицу. Включила громче Эннио Морриконе. «Золотой

экстаз» — то что требуется. Дорогу к Радужной она знала.

Решив не выезжать на центральную улицу, Женя ловко повернула в ближайший переулок и, немного пропетляв по крошечным улочкам, большинство из которых с односторонним движением, повернула на Радужную.

Улица располагалась за старым авиационным заводом и, казалось, выпала из параллельной реальности. Небольшая, застроенная двух- и трехэтажными домами довоенной постройки, между которыми извивалась первая городская трамвайная линия, ныне давно заброшенная. Дома на Радужной, казалось, разваливались на части, потеряв свой вид, осанку и красоту в безуспешной погоне за временем. Во дворах на громоздких растяжках все так же сушили белье, на покосившихся лавочках сидели старушки-сплетницы. Женя вздохнула — интересно, кому из соперниц могла прийти в голову мысль искать в этом районе себе помощников? Местные отбросы общества сокрут и недорого возьмут.

— Какой номер? — Она бросила взгляд на притихшего Леву, по-прежнему державшего руки на коленях.

— Высадите меня здесь, я дойду, — тихо прошептал мальчик.

— Размечтался, — насмешливо протянула Женя. — Вначале я поговорю с твоей матерью. В каком доме ты живешь?

Лева замолчал и низко наклонил голову, на глазах показались слезы. Все ясно, мать не в курсе его художеств. Ну что ж, тем хуже, в следующий